

Глава 40. Клинок и сутра

Едва прозвучали эти слова, Юболо побледнел. Он замер, не сводя с Цзян Жуцзина широко распахнутых, полных невыразимой скорби глаз, в которых дрожало отражение Чжаньдуоло.

Цзян Жуцзин бросил это обвинение, но ярость в его груди не утихла. «Раз на этом уровне иллюзий Юболо видит во мне Чжаньдуоло, — подумал он, — стоит высказать ему всё, что накопилось, а потом спалить здесь всё дотла. Пусть я не могу найти настоящего Юболо, но поквитаться с его фантомом мне никто не помешает».

Жуцзин ядовито усмехнулся.

— Опять это лицо! — выплюнул он. — Столько лет одно и то же. Тебе самому не тошно?

Юболо, растерянный и раздавленный, невольно подался вперёд, но Жуцзин тут же отпрянул, словно от прокажённого.

— Не смей подходить! — рявкнул он.

Юболо замер на полпути. Он смотрел на «Чжаньдуоло», на лице которого застыло крайнее отвращение, и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Он прослезился, и его голос сорвался на сдавленный стон:

— Хорошо...

Он стремительно отвернулся, не в силах больше выносить этого взгляда. Он поник, его фигура вмиг показалась дряхлой. Он мелко дрожал, содрогаясь в беззвучном плаче.

Жуцзин ненавидел это больше всего на свете. С тех пор как они с Чжаньдуоло пустились в бега, Юболо вечно разыгрывал эту карту. И каждый раз Чжаньдуоло, ослеплённый страхом и любовью, готов был вывернуть душу наизнанку, лишь бы утешить его. Стоило Юболо лишь намекнуть, лишь бросить случайный взгляд — и Чжаньдуоло разбивался в лепешку, добывая желаемое ценой собственной крови.

«Проклятые торговцы чувствами! Лицемеры!»

Жуцзин процедил сквозь зубы, едва сдерживая клокочущий гнев:

— Плачешь? Так ты привык это делать? Лить слёзы, чтобы обманывать всех вокруг? Искусно соблазнять, заставляя людей приносить себя в жертву ради твоей милой улыбки!

— Как ты можешь... как ты можешь так думать обо мне?! — Юболо резко обернулся. Он плакал, слезы заливали его благородное лицо, в голосе звучала нестерпимая обида.

Жуцзин на мгновение оторопел.

— И впрямь плачет... — прошептал он, но тут же новая волна ледяной ярости захлестнула его. — Убери свои слёзы! Мужчина не должен скулить, как побитая собака. Раз уж явился в этот мир, имей мужество стоять прямо, а не гнуться под каждым ветром! Даже если тебе больно, если ты разбит — забивайся в угол, зализывай раны сам, но не смей выставлять их напоказ ради жалости! Делать из собственной немощи оружие, чтобы водить людей за нос... Какое ничтожество!

Цзян Жуцзин огляделся и, заметив на стене несколько масляных ламп, решительно направился к ним.

— Хотел, чтобы я за тебя перебирал эти пыльные свитки? — бросил он через плечо. — Думал, стоит тебе состроить скорбную мину, и я брошусь на помощь? Мечтай!

Он сорвал лампу с крюка и с силой швырнул её на пол. Следом полетела вторая — прямо в грудь пожелтевших сутр.

Пламя вспыхнуло мгновенно. Оранжевые языки огня жадно вгрызлись в бумагу, сворачивая её в чёрный пепел. Цзян Жуцзин стоял в центре разгорающегося пожара и смотрел на Юболо сквозь завесу дыма. Он смотрел сквозь мрачную дымку, и в его глазах отражались сполохи огня.

— Сгорит ложь — и только тогда правда получит право на жизнь!

Юболо в тот же миг преобразился. Он перестал плакать, его взгляд стал отрешённым и безмятежным. Прошептав священное имя Будды, он сложил ладони в молитвенном жесте и закрыл глаза.

Огонь разбушевался, охватив весь этаж. Тысячи священных текстов корчились в пламени, исчезая в воздухе серым прахом. Но ни один огненный всполох не коснулся даже подошв Жуцзина. Он стоял посреди этого пылающего ада, наблюдая, как рушатся иллюзии. Отблески пламени дарили его мертвенно-бледному лицу обманчивое тепло, но он оставался холоден.

Постепенно пламя угасло, просто растворившись в пустоте. Из-под груд пепла показалась лестница, ведущая наверх. Весь этаж опустел — остались лишь Цзян Жуцзин да полтора десятка свитков, уцелевших среди праха.

Жуцзин безразлично посмотрел на них и уже направился было к лестнице, как вдруг над одной из книг в воздух поднялась струйка сизого дыма. Она заколыхалась, принимая очертания

человеческого силуэта. Затем над другой книгой возникла вторая тень — более чёткая, в которой уже можно было различить черты лица.

«Призраки...» — Жуцзин нахмурился.

Один за другим из уцелевших свитков поднимались духи людей, живших в разные эпохи. Они склонялись перед Жуцзином в прощальном поклоне и, окутанные золотистым сиянием, растворялись в небытии. Вероятно, это были те, кто веками томился в плену этой башни, и лишь сегодня обрёл долгожданную свободу.

Жуцзин скупо кивнул им, провожая взглядом. Его внимание привлекла последняя книга, лежавшая на полу. На её обложке красовались иероглифы, при виде которых у Жуцзина невольно потемнело в глазах:

«Шурангама-сутра»

Он брезгливо скривился и уже хотел пройти мимо, как вдруг книга вспыхнула тусклым светом. Из этого сияния, словно из провала в преисподнюю, выкатился тёмный силуэт. Человек был увешан драгоценными камнями и гирляндами, на груди его тускло поблескивало ожерелье из рогов антилопы, а на поясе висела тяжёлая сабля.

— Чжаньдуоло? — медленно произнёс Жуцзин, чувствуя, как внутри натягивается струна.

Мужчина поднял голову. В его мрачном, лихорадочно блестящем взгляде читалось безумие, а облик был пугающе прекрасен — это был последний правитель павшей Династии Превосходящей Птицы, царь Чжаньдуоло.

Едва завидев Жуцзина, Чжаньдуоло вспомнил, как этот человек притворялся его другом, а сам подослал спутника, чтобы расправиться с ним. Ненависть вспыхнула в его душе с новой силой. С хриплым рыком он выхватил саблю и бросился в атаку.

Движения его были молниеносны. Жуцзин, ждавший подвоха, едва успел уклониться от свистящего лезвия. Чжаньдуоло, не давая передышки, нанёс резкий удар ногой в живот. Жуцзин холодно усмехнулся и ответил встречным ударом, намереваясь сшибиться голеньями.

В следующую секунду его просто отшвырнуло.

Он с глухим стуком врезался спиной в стену. Каменная кладка даже не дрогнула, зато в ноге Жуцзина что-то хрустнуло. Острая боль прошла тело; правая нога превратилась в бесполезный обрубок, не желая слушаться.

Когда-то он был великим мечником Школы меча Цзюньтянь, чьё имя заставляло содрогаться небеса. Теперь же он не мог выдержать даже простого пинка.

Позор. Унижение. Он чувствовал себя как побитый пёс, как драгоценная яшма, измазанная в сточной грязи.

Ярость вспыхнула в сердце Жуцзина. Он жаждал прикончить этого обезумевшего призрака одним ударом, смыть с себя это осквернение. Но Чжаньдуоло не давал времени на раздумья. Сабля пела в его руках, разрезая воздух с неумолимой жаждой крови. Ещё мгновение — и царь оказался прямо перед ним. Его искажённое яростью лицо отразилось в зеркальном лезвии, которое уже тянулось к горлу Жуцзина.

Мысли лихорадочно неслись в голове. Цзян Жуцзин вдруг вскрикнул, глядя за плечо врага:

— Юболо?!

Чжаньдуоло обернулся мгновенно, без тени сомнения. Рука с саблей продолжала движение, но из-за потери концентрации удар замедлился. Жуцзин не упустил этот шанс: он резко привалился к стене, чувствуя, как сталь едва коснулась кожи, и нырнул под клинок. Он сложил пальцы в «когти», нацелившись прямо в сердце царя.

Чжаньдуоло, увидев пустой зал, понял, что его снова провели. Как опытный воин, он мгновенно просчитал возможные действия противника. Почувяв угрозу спиной, он не стал оборачиваться, а изогнулся, словно сокол в пике, и перенаправил промахнувшуюся саблю вниз, описывая смертоносную дугу.

Будь Жуцзин в прежней форме, он бы легко отдёргнул руку.

В глазах его потемнело. Он успел откатнуться вправо, но тяжёлая сталь всё же нашла цель. Предплечье словно взорвалось болью. Кровь брызнула на деревянный настил, мгновенно впитываясь в доски бурыми пятнами.

Чжаньдуоло замер. Он посмотрел на отрубленную конечность, которая, едва коснувшись пола, начала стремительно превращаться в камень.

— Так ты... тоже больше не человек, — произнёс он странным, надтреснутым голосом.

Жуцзин пропустил его слова мимо ушей. Сейчас его заботило лишь одно: как выжить.

Он и не думал о бегстве. Все те здравые мысли о том, что «героизм не в смерти», которыми он когда-то поучал Гу Фэя, испарились без следа. В его груди горело лишь отчаянное упрямство человека, которому больше нечего терять.

Он медленно отступил на пару шагов, разрывая дистанцию, хотя понимал, что для Чжаньдуоло это расстояние — лишь один прыжок. Вдруг подошва его сапога наткнулась на что-то твёрдое.

Жуцзин опустил взгляд. «Шурангама-сутра».

В его взгляде вспыхнул призрачный блеск. Он стремительно нагнулся, подхватил книгу и рванул обложку.

Чжаньдуоло, наблюдая за этим, окончательно утратил тень сомнения. Он вновь стал жестоким и глумливо усмехнулся.

— Решил сражаться со мной куском пергамента? — презрительно бросил он, словно уже видел Жуцзина разрубленным пополам.

Жуцзин вспомнил лицо Ачамоло, когда тот протягивал ему сутры, вспомнил агонию Чжаньдуоло под звуки священного текста. Он искривился в точно такой же усмешке, как и царь.

— Вот сейчас и проверим.

<http://bllate.org/book/17530/1706962>